

Пругавин Александр Степанович

Петропавловская крепость

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Степанович П.**
Петропавловская крепость / Пругавин Александр Степанович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-79727-6

ISBN 978-5-519-79727-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Трубецкой, Волконскій, Оболенскій, Барятинскій, Одоевскій, затѣмъ—Муравьевы, Бестужевы, Якушкинъ, Якубовичъ, Батенковъ, баронъ Розенъ, Басаргинъ, фонъ-Визинъ, Анненковъ и многіе, многіе другіе.

Для первыхъ пяти изъ только что перечисленныхъ Петропавловская крѣпость, какъ извѣстно, стала могилой или, точнѣе говоря, эшафотомъ и мѣстомъ казни: рано утромъ 13 іюля 1826 года они были повѣшены на валу кронверка этой крѣпости...

— „Эти пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями“,—говорилъ впоследствии А. И. Герценъ по поводу этой казни.

Всего по дѣлу декабристовъ было арестовано около 500 человекъ, изъ которыхъ 121 человекъ были преданы верховному уголовному суду. Изъ числа декабристовъ въ Шлиссельбургскую крѣпость были заключены сравнительно весьма немногіе, а именно: Іосифъ Викторовичъ Поджіо, А. П. Юшневскій, Пущинъ, Дивовъ, Пестовъ и Андреевичъ. Затѣмъ уже послѣ суда здѣсь нѣкоторое время содержались Николай и Михаилъ Бестужевы.*)

Ту же самую роль играетъ Петропавловская крѣпость и въ наши дни теперь, сейчасъ. Такъ, не дальше, какъ въ прошломъ году, послѣ кроваваго 9 января, она была переполнена заключенными. Между прочимъ, туда, какъ извѣстно, попали всѣ члены той депутаціи, которая наканунѣ 9-го января ѣздила къ министру внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателю комитета министровъ съ цѣлью предупредить власти о предстоящей на другой день совершенно мирной демонстраціи рабочихъ и съ просьбою принять мѣры къ устраненію возможныхъ столкновеній между народомъ, полиціей и войсками.**)

Наконецъ и сейчасъ, когда я пишу эти строки, казе-

*) По свѣдѣніямъ проф. В. И. Семевского, передавшимъ намъ въ личной бесѣдѣ.

**) А именно: 10 января 1905 года въ Петропавловскую крѣпость были заключены профессора: В. И. Семевскій и Н. И. Каръ

маты Петропавловской крѣпости переполнены заключенными, о чемъ не разъ сообщалось въ газетахъ въ теченіе послѣднихъ дней. Между прочимъ, какъ извѣстно, тамъ сидятъ сейчасъ: предсѣдатель совѣта г. Носаръ-Хрусталева, извѣстный эмигрантъ Левъ Дейчъ, авторъ книги: „16 лѣтъ въ Сибири“, переведенной на всѣ европейскіе языки, редакторъ газеты „Рабочій народъ“ В. В. Кирьяковъ и многіе другіе.

Что касается далекаго прошлаго Петропавловской крѣпости, то оно, разумѣется, еще болѣе мрачно и кроваво.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о прошломъ этой крѣпости извѣстный русскій ученый и теоретикъ анархизма князь П. А. Кропоткинъ, который лично испыталъ на себѣ ужасы крѣпостного одиночнаго заключенія, просидѣвъ около трехъ лѣтъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости.

„Здѣсь Петръ I-й пыталъ своего сына Алексѣя и убилъ его собственной рукой. Здѣсь, въ казематѣ, куда проникла вода во время наводненія, была заключена княжна Тараканова. Крысы, спасаясь отъ потопа, взбирались на ея платье. Здѣсь ужасный Минихъ пыталъ своихъ политическихъ противниковъ, а Екатерина II-я заживо похоронила тѣхъ, которые возмущались убійствомъ ея мужа...

„И со временемъ Петра I-го, въ продолженіе ста семидесяти лѣтъ, лѣтописи этой каменной громады, возвышающейся изъ Невы противъ Зимняго дворца—говорятъ только объ убійствахъ, пыткахъ, о заживопогребенныхъ, осужденныхъ на медленную смерть, или-же о доведенныхъ до сумасшествія въ одиночныхъ, мрачныхъ, сырыхъ казематахъ.*)

евъ, литераторы: Н. Ф. Анненскій, І. В. Гессенъ, Максимъ Горькій, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Мякотинъ, извѣстный городской дѣятель Е. И. Кедринъ, рабочій Кузинъ и многіе другіе.

*) П. А. Кропоткинъ: „Записки революціонера“. Лондонъ, 1902 г., стр. 324.

Упомянувъ о несчастной княжнѣ Таракановой, князь Кропоткинъ ничего не говоритъ о ея дальнѣйшей судьбѣ, такъ какъ со времени ея заточенія въ крѣпость судьба несчастной княжны покрывается глубокой тайной. По извѣстной народной легендѣ, княжна Тараканова погибла въ казематѣ Петропавловской крѣпости, погибла ужасной смертью во время наводненія, когда волны залили ея камеру. Однако легенда эта не подтверждается позднѣйшими историческими изслѣдованіями.

Читатели, безъ сомнѣнія, припомнятъ, что княжна Тараканова была незаконной дочерью Елизаветы Петровны отъ Разумовскаго. Почти всю свою жизнь она провела за границей, между прочимъ, въ Италіи, откуда, по приказанію Екатерины II, была предательски увезена графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ Россію.

Здѣсь ее ожидалъ казематъ Алексѣевского рavelина, въ которомъ она и погибла въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія. Похоронена она была на маленькомъ, трехугольномъ дворѣ, находящемся внутри рavelина. Впослѣдствіи дворъ этотъ былъ обращенъ въ садикъ, въ который по очереди водили гулять заключенныхъ.

Во время декабристовъ въ этомъ садикѣ была одинокая могила, невольно привлекавшая, конечно, вниманіе узниковъ. По словамъ декабриста Якушкина, въ крѣпости въ то время сохранялось преданіе о томъ, что въ этой именно могилѣ была похоронена несчастная княжна Тараканова. Позднѣе эта могила исчезла; по крайней мѣрѣ, заключенные 60-хъ и 80-хъ годовъ ничего не говорятъ о ней.

Затѣмъ, разъ рѣчь зашла о далекомъ прошломъ Петропавловской крѣпости, то нельзя не вспомнить съ глубокимъ уваженіемъ имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей петровской эпохи, также погибшаго въ казематахъ Алексѣевского рavelина. Мы говоримъ о крестьянинѣ Посошковѣ, извѣстномъ писателѣ начала XVIII вѣка, авторѣ книги: „О скудости и богатствѣ“.

Въ своихъ писаніяхъ Посошковъ впервые въ Россіи указывалъ на отрицательныя стороны самодержавія, доказывалъ необходимость участія всего народа чрезъ особыхъ выборныхъ представителей въ выработкѣ и составленіи новаго уложенія, прозрачно намекалъ на необходимость земскаго собора, который бы „вольнымъ голосомъ“ заявлялъ царю о нуждахъ и желаніяхъ „земли“, т. е. народа.

Уже въ то время Посошковъ доказывалъ необходимость „обновленія“ Россіи „какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ“.

Конечно, эти идеи были признаны опасными. Однако Петръ Великій щадилъ Посошкова, цѣня въ немъ его практическій умъ и литературный талантъ. Но при Екатеринѣ I-ой условія измѣнились. 26 августа 1725 года Посошковъ былъ схваченъ канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ 1 февраля 1726 г.

Это былъ первый идейный борецъ за права и счастье народа, погибшій въ казематѣ Алексѣевского рavelина. Честь ему и слава! Его смерть открываетъ собою длинный, безконечный мартирологъ лицъ, которыхъ слуги русскаго самодержавія запирали въ Петропавловскую крѣпость.

На протяженіи двухъ вѣковъ здѣсь томились, здѣсь страдали и нерѣдко гибли лучшіе русскіе люди—дѣлители интеллигенціи, писатели, поэты, ученые, выдающіеся общественные дѣятели, ставившіе себѣ цѣлью возрожденіе Россіи и не мирившіеся съ тѣмъ режимомъ, при которомъ все было для бюрократіи и ничего для народа и общества.

Здѣсь, во мракѣ крѣпостныхъ рavelиновъ и бастіоновъ, томились руководители и участники освободительнаго движенія, боровшіеся противъ ига абсолютизма, противъ гнета самодержавной тираніи, во имя кровныхъ интересовъ народа,—во имя права и свободы.

Здѣсь задыхались въ неволѣ польскіе патріоты, мечтавшіе о восстановленіи Польши, „сепаратисты“—україн-

пофилы, добивавшіеся автономіи Малороссіи, члены различныхъ партійныхъ обществъ, основатели религіозныхъ сектъ, въ ученіяхъ которыхъ усматривался „политическій элементъ“, революціонеры всевозможныхъ фракцій и отщепенцы, начиная отъ мирныхъ пропагандистовъ и кончая сторонниками террора, борцы обездоленнаго пролетаріата, рабочіе, представители пылкой молодежи, всегда готовой всѣмъ жертвовать во имя идеи.

Декабристы въ петропавловской крѣпости.

I.

Равелины, бастіоны, куртины.

Близится роковая развязка...

Послѣдніе дни, послѣднія минуты доживаетъ старый, всѣмъ ненавистный строй. Дискредитированный, залившій страну кровью народныхъ борцовъ и покрывшій ее висѣлицами, онъ трещитъ по всѣмъ швамъ и не сегодня—завтра рухнетъ, какъ сгнившая въ конецъ руина.

Никакія жестокости, никакія звѣрства не помогли. Современные Малюты Скуратовы не только не спасли режима отъ неизбежнаго краха, но наоборотъ—своей безумной, кровавой политикой какъ нельзя болѣе способствовали его неминуемой гибели.

Петропавловская крѣпость всегда была оплотомъ самовласти. Въ ея казематахъ томились, изнывали и гибли лучшіе представители русскаго народа, боровшіеся за его права, за его свободу. Уже по одному этому она должна покончить свое существованіе одновременно съ тѣмъ режимомъ, оплотомъ котораго она являлась въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій.

Уже въ декабристахъ Петропавловская крѣпость возбуждала чувства глубокаго негодованія, ненависти и вмѣстѣ ужаса, о чемъ, между прочимъ, можно судить по тѣмъ запискамъ и воспоминаніямъ, которыя оставили многіе изъ нихъ.

— Вотъ палладіумъ русскихъ вольностей!—воскли-

цалѣ обыкновенно Батенковъ при одномъ упоминаніи о Петропавловской крѣпости.

Это тотъ самый подполковникъ-инженеръ, сотрудникъ Сперанскаго, Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, которому пришлось болѣе двадцати лѣтъ *) просидѣть въ строгомъ одиночномъ заключеніи Алексѣевского рavelина. Приговоренный судомъ къ двадцатилѣтней каторгѣ, онъ однако не былъ почему-то отправленъ въ Сибирь и въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ томился въ казематѣ, „не видя человѣческаго лица, не слыша человѣческаго голоса“.

За время своего заключенія, Батенковъ разучился даже говорить, забывъ многія обыкновенныя слова. Друзья Батенкова были все увѣрены, что онъ умеръ въ крѣпости или же сошелъ съ ума. Рассказываютъ, что онъ совершенно потерялъ счетъ времени. Иногда „ему казалось, что онъ сидитъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ, что онъ иногда нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ и во все время ничего не ѣстъ“ **).

Говорятъ, что комендантъ Петропавловской крѣпости Ив. Ник. Скобелевъ, простой русскій человѣкъ, выслужившійся изъ солдатъ, при всякомъ случаѣ напоминалъ Государю о несчастномъ узникѣ Батенковѣ, но все было напрасно. Николай былъ неумолимъ. Лишь по истеченіи 20 лѣтъ Батенковъ былъ сосланъ на жительство въ Томскую губернію ***).

Упраздненіе Петропавловской крѣпости составляло заветную мечту декабристовъ и входило въ планы членовъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ.

Въ началѣ декабря 1825 года, когда рѣшено было попытаться устроить вооруженное возстаніе съ цѣлью замѣны самодержавія временнымъ правительствомъ и созыва

*) Изъ нихъ полгода онъ просидѣлъ въ фортѣ Свартгольмѣ, на Амандскихъ островахъ.

**) „Русскій Архивъ“, 1881 г., III.

***) „Полярная Звѣзда“, Лондонъ, 1861 г., книжка седьмая, выпускъ второй, стр. 121.

народныхъ представителей для выработки государственнаго устройства,—членами тайныхъ обществъ было постановлено: „отдать городовому правленію (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую, помѣстить въ ней городскую стражу и городской совѣтъ“.

Но вооруженное возстаніе было подавлено картечью и всѣ его участники попали въ казематы той самой крѣпости, которую они желали обратить въ орудіе освободительнаго движенія и утилизировать въ этихъ видахъ.

Говоря о Петропавловской крѣпости, Кеяннъ, между прочимъ, утверждалъ, что „нѣтъ почти никакой возможности составить себѣ точное представленіе о размѣрахъ и устройствѣ этой государственной тюрьмы“. Подобное заявленіе вполнѣ понятно, конечно, въ устахъ иностранца, пробывшаго въ Петербургѣ и вообще въ Россіи сравнительно лишь короткое время. Къ тому же, какъ извѣстно, Кеянну не удалось осмотрѣть Петропавловской крѣпости, такъ какъ всѣ его ходатайства о разрѣшеніи такого осмотра не имѣли никакого успѣха.

Глубокая тайна лежитъ на всемъ, что только касается государственныхъ тюремъ Петропавловской крѣпости. Поэтому и для насъ, русскихъ, не такъ то легко получить точныя свѣдѣнія о тѣхъ равелинахъ, бастіонахъ и „куртинахъ“, которые служатъ для заключенія въ нихъ политическихъ преступниковъ и лицъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности.

Самой старинной тюрьмой въ Петропавловской крѣпости является, безъ сомнѣнія, знаменитый Алексѣевскій равелинъ, названный такъ по имени цесаревича Алексѣя, который содержался въ одномъ изъ его казематовъ. Этотъ казематъ существовалъ еще въ 1862 г., но въ то время онъ служилъ квартирой одного изъ служащихъ (г. Борисова) въ канцеляріи коменданта Петропавловской крѣпости.

По увѣренію г. Борисова, помѣстившаго въ „Русской Старинѣ“ статью объ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ 60-годахъ этотъ равелинъ „ни по наружному, ни по внутреннему

виду не напоминалъ собою той грозной и таинственной легенды, какая сложилась о немъ въ народномъ представленіи“. Однако это утвержденіе г. Борисова является совершенно голословнымъ и все то, что онъ самъ же сообщалъ въ своей статьѣ объ этомъ равелинѣ именно рисовало эту тюрьму въ самомъ грозномъ и таинственномъ видѣ.

Алексѣевскій равелинъ расположенъ такимъ образомъ, что посѣтителѣ крѣпости не могутъ его видѣть. Единственный доступъ въ равелинъ идетъ черезъ огромныя ворота, находящіяся въ западной стѣнѣ крѣпости и всегда закрытыя большимъ внутреннимъ замкомъ. Кромѣ стѣны, равелинъ отдѣляется отъ крѣпости еще небольшимъ каналомъ изъ Большой Невы въ Кронверкскій проливъ, съ деревяннымъ черезъ него мостомъ. Само собою разумѣется, что въ Алексѣевскій равелинъ возможно войти не иначе, какъ только съ особаго разрѣшенія смотрителя его.

Только одинъ разъ въ году жителямъ Петербурга представлялась возможность взглянуть на Алексѣевскій равелинъ и то не иначе, какъ съ высоты крѣпостной стѣны. Это именно въ день Преполовенія, когда устраивался торжественный крестный ходъ по стѣнамъ крѣпостныхъ бастіоновъ. Съ высоты этихъ стѣнъ участники крестнаго хода обыкновенно съ любопытствомъ, недоумѣніемъ и невольнымъ страхомъ разсматривали таинственное каменное, одноэтажное зданіе, трехугольной формы, стоящее среди тихаго и безлюднаго двора бастіона.

Стекла въ окнахъ, расположенныхъ по всѣмъ тремъ сторонамъ этого зданія, на двѣ трети снизу густо закрашены мѣломъ. Около единственнаго входа стоитъ караульная будка. Солдатъ-часовой съ обнаженной у плеча саблею день и ночь медленно обходитъ вокругъ таинственнаго зданія.

Единственный, какъ разъ противъ воротъ и моста, входъ въ Алексѣевскій равелинъ ведетъ въ приемную, отъ которой направо и налево идутъ по всѣмъ тремъ фасамъ корридоры, прерываясь лишь въ одномъ изъ угловъ квартирою смотрителя и кухнею какъ для него, такъ и для